

Научная статья
УДК 94(47).084.9
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.8.11>

**«Перестройка» сквозь призму политико-идеологических отношений:
к 30-летию распада СССР**

Иван Владимирович Упоров

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия,
uporov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0906-5228>

Аннотация. В статье рассматривается период «перестройки» в СССР (1985–1991 гг.) с точки зрения идеологического обоснования принимавшихся партийными и советскими органами политических решений. Внимание акцентируется на тех аспектах, которые не получили достаточного освещения в исторической литературе, в частности, раскрываются теоретические поиски компартии в объяснении реального положения СССР и определении задач по его улучшению в предперестроечное время, которые были продолжены и развиты партийным руководством в годы «перестройки». Отмечается, что ее рубикон пришелся на 1987 г. с провозглашением принципа гласности, после чего события стали выходить из-под контроля руководства СССР и привели к его распаду. Показывается феномен резких изменений марксистско-ленинских убеждений у многих партийно-государственных деятелей в начале «перестройки» на буржуазные в конце этого периода. Делается вывод о том, что коммунистическая идея при всей ее привлекательности не выдержала испытания практикой, соответственно, устройство общественного бытия по заранее разработанным теоретическим лекалам представляется бесперспективным.

Ключевые слова: перестройка, КПСС, программа, коммунизм, пленум, СССР, гласность, власть, общество

Для цитирования: Упоров И.В. «Перестройка» сквозь призму политико-идеологических отношений: к 30-летию распада СССР // Общество: философия, история, культура. 2021. № 8. С. 68–75. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.8.11>.

Original article

**“Perestroika” through the prism of political-ideological relations:
towards the 30th anniversary of the collapse of the USSR**

Ivan V. Uporov

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia,
uporov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0906-5228>

Abstract. The paper considers the period of “perestroika” in the USSR (1985–1991) from the point of view of the ideological justification of the political decisions taken by the party and Soviet bodies. It focuses on aspects that have not been sufficiently highlighted in the historical literature, in particular the theoretical quest of the Communist Party to interpret the real situation of the USSR and to define the objectives for its improvement in the pre-perestroika period, which was continued and developed by the party leadership in the years of “perestroika”. It is noted that its Rubicon came in 1987 with the proclamation of the principle of glasnost, after which events began to spiral out of control of the USSR leadership and led to its collapse. The phenomenon of the abrupt change in the Marxist-Leninist convictions among many party-state figures at the beginning of “perestroika” to bourgeois beliefs at the end of this period is revealed. As a result, the CPSU was never able to give an answer to the question of how socialism and the market should relate; the conclusion is drawn that the communist idea, despite its attractiveness, has not stood the test of practice and that, consequently, the arrangement of social life according to pre-established theoretical templates seems unpromising.

Key words: perestroika, CPSU, program, communism, plenum, USSR, glasnost, authority, society

For citation: Uporov I.V. “Perestroika” through the prism of political-ideological relations: towards the 30th anniversary of the collapse of the USSR // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 8. P. 68–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.8.11>.

Одна из особенностей российской истории состоит в том, что она изобилует чрезвычайно противоречивыми периодами на одной и той же территории, населенной одним и тем же народом. Так, большинство стран западной цивилизации изначально (имея в виду современную конфигурацию государств, то есть с XIII–XIV вв.) стали развиваться по пути, который во многом остается неизменным до сих пор: приоритет и защита частной собственности и личной неприкосновенности, наличие представительных властных структур и местного самоуправления, влияние

религии и др. Буржуазные революции Нового времени, по канонам которых еще живет современный мир, практически ничего не изменили, разве что демократии стало больше. В России же периодически происходили кардинальные перемены, которые имели глобальное значение для дальнейшего развития русской государственности. Основные из них приходятся на XX в., когда длительный период самодержавия был сменен советским государственным устройством, базирующимся на принципиально иных основах, а затем, в 1991 г., с распадом СССР и он уступил свое место капиталистической Российской Федерации, развивающейся с того времени по пока не совсем понятному вектору.

В этом контексте период «перестройки» (1985–1991 гг.), предшествовавший падению советского государства, представляется уникальным с исследовательской точки зрения, поскольку, во-первых, сохранилось достаточно много документов, к абсолютному большинству которых имеется доступ; во-вторых, еще живы многие современники «перестройки»; в-третьих, если иметь в виду сегодняшний день, прошедшие три десятилетия позволяют снизить степень эмоционально-психологической составляющей при оценке «перестроечных» событий, учитывая, что распад СССР очень болезненно переживало население всех бывших союзных республик. При этом нужно иметь в виду, что по «перестройке» написано уже множество трудов, по подсчетам Б.Н. Миронова, представившего ее историографию, – более 300 книг, 3 тысяч статей, 20 диссертаций [1, с. 133]. Но дискуссии продолжаются, поскольку причины «перестройки», ее движущие силы, целеполагание и другие составляющие сложны и многоаспектны, и по-прежнему нет какой-либо доминирующей позиции по отношению к ним среди исследователей. Учтя эти обстоятельства, мы сосредоточим внимание на политико-идеологическом аспекте данного периода реформ. Нужно также помнить, что тема «перестройки» неизбежно сопряжена с рассмотрением причин распада советского государства.

Прежде всего следует сказать, что уникальность советского государства состояла в том, что оно было создано по заранее намеченному плану, который опирался на серьезнейшую теоретическую базу (идеи К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, Г.В. Плеханова и др.) и стал претворяться в жизнь под руководством В.И. Ленина после октября 1917 г. Наиболее концентрированно коммунистические идеи применительно к России находили отражение в партийных программах (1903, 1919, 1961, 1986 гг.). В своем начале «перестройка» идейно-теоретически опиралась на действующую тогда Программу КПСС (третья редакция) 1961 г. и началась в 1985 г., когда генсек КПСС М.С. Горбачев в известной речи на апрельском пленуме ЦК КПСС заявил о необходимости «ускорения социально-экономического развития страны» (термин «перестройка» был использован им несколько позже – на одном из совещаний в Ленинграде). При этом он подчеркнул, что «мы вновь подтверждаем преемственность стратегического курса, разработанного XXVI съездом партии и последующими пленумами ЦК. В ленинском понимании преемственность означает неперенное движение вперед, выявление и разрешение новых проблем, устранение всего, что мешает развитию. Этой традиции мы должны следовать неукоснительно, обогащая и развивая нашу генеральную линию на совершенствование общества развитого социализма» [2, с. 7].

Передавая настроения партаппарата того времени, Л.М. Млечин отмечает восторженную реакцию партийцев на избрание нового генсека и на его речь на пленуме («теперь хоть не стыдно», «наконец-то!»), однако это касалось лишь внешнего эффекта (настрой на давно ожидаемое омоложение престарелых руководящих партийных кадров), в суть же сказанного не вникали и «никаких радикальных перемен никто не ждал, в том числе и сам Михаил Сергеевич» [3]. Однако здесь ситуация, на наш взгляд, не столь однозначная. Дело в том, что при длительно-монополюс правящей КПСС и забронзовевших марксистско-ленинских постулатах о строительстве коммунистического общества, бесконечно повторяемых в безальтернативных СМИ, на разного рода совещаниях, пленумах и съездах, любое отклонение от привычной партийно-идеологической колеи уменьшими читать между строк воспринималось как предтеча неких перемен. Так, тот же Горбачев на том же апрельском пленуме ЦК КПСС говорил о «преемственности» разработанного ранее курса партии, а не о «твердом следовании» такому курсу, как обычно ранее было в речах сменяющих друг друга генсеков, что было уже нюансом, предполагавшим более широкое видение политической линии государства.

В этой связи нужно заметить, что будущая «перестройка» подогревалась предшествовавшими событиями и обсуждениями возможных направлений развития СССР. Так, в декабре 1984 г. в одном из своих выступлений все тот же Горбачев говорил о том, что СССР находится лишь в начале «исторически длительного этапа развитого социализма» [4, с. 7] и что предстоят глубокие преобразования как экономической сферы, так и всей системы общественных отношений, в результате чего социализм должен подняться на новую ступень зрелости, а это – «проблемы поистине огромного масштаба». Еще раньше имели место некоторые нешаблонные идейно-коммуни-

стические размышления генсека ЦК КПСС Ю.В. Андропова, изложенные, в частности, в его резонансной статье (1983 г.) [5]. Политик обозначал ряд проблем как теоретического, так и практического значения, в том числе ставил под сомнение сложившееся убеждение о том, что в СССР построен развитый социализм, поскольку это общество еще только предстоит изучать (в литературе приводятся воспоминания людей из его окружения, которым он говорил о том, что в СССР нет развитого социализма, «нам еще до простого социализма пахать и пахать» [6, с. 172]). Бесспорно, Ю.В. Андропов, будучи главой КГБ и владея соответствующей информацией, не мог не видеть, что многие актуальные проблемы в стране многократно декларируются, но не решаются. В частности, его интересовало, «почему от огромных капиталовложений мы сейчас не получаем должной отдачи, почему не удовлетворяющими нас темпами осваиваются в производстве достижения науки, техники» [7, с. 13]. В этой связи политик писал о том, что «народу, свершившему социалистическую революцию, приходится еще долго осваивать свое новое положение верховного и безраздельного собственника всего общественного богатства – осваивать и экономически, и политически, и, если угодно, психологически, вырабатывая коллективистское сознание и поведение» [8, с. 13].

В литературе есть мнение, что «перестройка» должна была начаться именно с Ю.В. Андропова, по инициативе которого, в частности, был принят закон о трудовых коллективах, расширявший полномочия этих формирований, а в 1983 г. он направил в Политбюро записку, где предлагал демократизировать выборы в Советы («не замыкаться на должностном принципе при выдвижении кандидатов»). Андропов полагал также, что укрепление дисциплины, ответственности независимо от должности есть то самое главное звено, которое позволит вытянуть всю цепь нужных преобразований. И в этом реформаторском смысле его сравнивали со Столыпиным [9, с. 174].

Но, как известно, Ю.В. Андропов на посту генсека пробыл недолго, равно как и его преемник К.У. Черненко. При последнем была создана постоянно действующая Комиссия Политбюро ЦК КПСС по совершенствованию управления в СССР (глава комиссии – Н.А. Тихонов, члены – Г.А. Алиев, М.С. Горбачев, Г.В. Романов, Н.И. Долгих, И.В. Капитонов, Н.И. Рыжков), деятельность которой объединяла усилия как уходящей («пенсионной») номенклатуры (Тихонов, Долгих и др.), так и шедшей ей на смену (Горбачев, Рыжков и др.). Комиссия создала Концепцию совершенствования хозяйственного механизма, предполагавшую отказ от директивных планов, стимулирование предприятий в зависимости от прибыли, постепенную либерализацию общественных отношений, создание частнопредпринимательского и кооперативного сектора экономики, при этом за основу были взяты наработки венгерской реформы 1968 г. [10, с. 15]. Шли разговоры о том, чтобы именовать текущую стадию развития советского общества не «развитым», а «развивающимся» социализмом, что предполагало принятие новой программы КПСС. Творческая интеллигенция получила больше свободы (например, был снят художественный фильм «Покаяние» антисталинской направленности). Разрабатывались предложения по расширению хозрасчета при социализме. Были продолжены крупные коррупционные процессы («узбекское» дело, по которому впервые со времен Сталина был арестован секретарь обкома партии; дело Щелочкова – несмотря на то, что К.У. Черненко был давним знакомым бывшего министра внутренних дел СССР, и др.) [11, с. 451]. Профсоюзы получили право оспаривать в партийно-государственных органах решения работодателей, нарушающих социальные и трудовые права граждан. В целом Черненко, бесспорно, не был ретроградом, но слабое здоровье не позволяло ему придавать нужную энергетику принимаемым решениям.

Как видно, М.С. Горбачев начинал «перестройку» не с нуля, а уже имея некоторые наработки, к тому же в подготовке некоторых из них он сам же и участвовал. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что правящая элита СССР понимала, что нужны изменения, и очень серьезные, поскольку заявляемые и декларируемые планы проваливались один за другим. Так, в Программе КПСС 1961 г., принятой XXII съездом КПСС, открыто, громко, для всех советских граждан и на весь мир было объявлено: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» [12, с. 142]. Там же планировались конкретные даты-события, указывалось, что к 1980 г. «будет создана материально-техническая база коммунизма, обеспечивающая изобилие материальных и культурных благ для всего населения; советское общество вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям, произойдет постепенный переход к единой общенародной собственности. Таким образом, в СССР будет в основном построено коммунистическое общество» [13, с. 72].

Это был смелый и очень рискованный шаг советского руководства во главе с Н.С. Хрущевым – ведь на карту были поставлены не только престиж СССР как государства и социализма как формы существования человеческого сообщества, но и судьба страны в случае невыполнения обещаний. Мы полагаем, что на такое решение повлияли сравнительно высокие темпы социально-экономического развития СССР, наметившиеся к рубежу 1960 г. и обусловленные, на наш взгляд, прежде всего тем, что граждане смогли, наконец, освободиться от мобилизационного

образа жизни (революционный кризис, Гражданская война, коллективизация-индустриализация, Великая Отечественная война, устранение послевоенной разрухи, восстановление жилого и производственных фондов) и перейти к мирному труду с акцентом на повышение уровня благополучия семьи и личности (тогда уже полным ходом в городах строились тесноватые, но благоустроенные «хрущевки», повышалась зарплата, улучшались социальные условия жизни людей и т. д.). Сказалась, вероятно, и определенная авантюризм личности Хрущева, желавшего оставить о себе память как о выдающемся советском деятеле.

Однако год шел за годом, а ситуация в стране после некоторого инерционного улучшения (примерно до рубежа 1970 г.) стала неуклонно ухудшаться, и прежде всего в экономике (на этот счет имеется немало публикаций). И 1980 г. страна встречала не коммунизмом-изобилием, а пустыми полками в магазинах, дефицитом многих товаров повседневного спроса, ростом коррупционных проявлений, снижением уровня жизни. Власть не дала публичного, откровенного и ответственного объяснения создавшемуся положению, будто и не было обещанной материально-технической базы коммунизма, поддерживая восхвалительный официальный тон в духе затянувшегося брежневского «застоя» при совершенно иных реалиях. Очевидно, к тому времени существенно была подорвана вера людей в коммунистическое будущее, ибо их ожидания были совершенно иными.

При таких условиях необходимость перемен была очевидной, и, как мы отметили, фактическое начало «перестройки» было положено еще при Ю.В. Андропове. Однако вплоть до распада СССР в 1991 г. у правящей элиты не было ясного понимания – какие конкретно решения принимать, до какой степени возможна и возможна ли вообще ревизия идейного наследия марксизма-ленинизма. Вместе с тем, как нам представляется, общая направленность развития была определена еще «косыгинской» реформой, начавшейся в середине 1960-х гг., а именно – усилением материальных стимулов как предприятий, так и отдельных работников. Но реформа в итоге не дала ожидаемых результатов, то есть стимулы оказались недостаточными, встал вопрос о том, как их расширить и при этом не выйти за пределы фундаментальных основ социализма, считавшихся идейно святыми (участие широких масс трудящихся в управлении государством, общественная собственность на средства производства, плановая экономика, единая государственная идеология, отсутствие эксплуатации человека человеком, распределение материальных благ по принципу равноправия и социальной справедливости и др.).

На июньском (1985 г.) совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса Горбачев заявил, что главное направление «перестройки» ему известно – это «повышение эффективности централизованного начала в управлении и планировании, значительное расширение хозяйственной самостоятельности и ответственности предприятий и объединений, активное использование более гибких форм и методов руководства, хозрасчета и товарно-денежных отношений, всего арсенала экономических рычагов и стимулов – вот в чем принципиальная суть перестройки. В единстве усилий центра и мест, в разнообразии и эластичности социалистических приемов хозяйствования, в широком развитии инициативы масс – надёжный ключ к успеху» [14, с. 126–127]. Однако такого рода словообилие принципиально ничего нового в себе не несло, поэтому последующие решения в течение 1985–1986 гг. трудно назвать перестроечными, хотя в целом их можно расценивать как шаги вперед, если иметь в виду преобразовательную деятельность.

И здесь прежде всего следует назвать принятие Новой редакции программы КПСС в марте 1986 г. XXVII съездом КПСС [15]. В этом «перестроечном» документе была предпринята попытка идейно-теоретически обосновать позицию компартии, связанную со сложившейся обстановкой. В программе повторялись все основные марксистско-ленинские постулаты, не подвергшиеся ни малейшему сомнению. О провале планов построения коммунизма по Программе 1961 г. ничего не говорилось, но закладывалась осторожная фраза о том, что «КПСС не ставит целью предвосхитить в деталях черты полного коммунизма», и поэтому «забегания вперед» недопустимы (это не помешало составителям указать на две конкретные цели: к 2000 г. каждая семья должна была иметь отдельное жилье; к этому же времени планировалось удвоить производственный потенциал при его коренном качественном обновлении, но обе цели, как покажет история, окажутся тем самым «забеганием вперед»). Вместе с тем указывалось на недопустимость «медлительности в проведении назревших преобразований», учитывая, что «в 70-е – начале 80-х годов в развитии страны наряду с достигнутыми и бесспорными успехами имели место определенные неблагоприятные тенденции и трудности» [16, с. 574]. И далее определялся «стратегический курс партии», который заключался в ключевой горбачевской фразе того времени – «ускорение социально-экономического развития страны».

В целом в Программе КПСС 1986 г., которая была менее пафосной и более деловой, принципиально нового обнаружить не удалось (равно как и в стиле работы партаппарата, в частности,

это касалось существенного сокрытия от общества информации об аварии на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 г.). В ней по-прежнему указывалось на необходимость «укрепления и приумножения общественной собственности на средства производства, являющейся основой экономической системы социализма» [17, с. 561]. В части партийной деятельности отмечалось, что «закономерно возрастает руководящая роль партии» и т. д. Однако стоит признать, что ряд положений Программы 1986 г. отражал актуальные политические и экономические проблемы страны. Так, говорилось о необходимости развития принципа гласности как инструмента демократизации общества. Подчеркивалась важность повышения роли основного производственного звена – объединений и предприятий – с точки зрения расширения их хозяйственной самостоятельности и перевода на полный хозрасчет «при усилении экономических рычагов» и сокращении плановых показателей. Большее значение должно было придаваться трудовым коллективам – с точки зрения стимулирования труда работников «снизу» на основе их личной заинтересованности. Именно эти направления были конкретизированы и получили развитие в дальнейшей «перестройке».

Так, в ноябре 1986 г. был принят Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», возрождавший, если упростить, кустарное производство в виде изготовления и ремонта одежды, обуви, мебели, репетиторства и т.д. Такой подход в некоторой степени отклонялся от «социалистической линии», поскольку позволял легально получать доходы в неограниченных размерах. Тогда же, в конце 1986 г., в ряде изданий главными редакторами были назначены демократически настроенные личности: Е. Яковлев («Московские новости»), В. Коротич («Огонек»), С. Залыгин («Новый мир») и др. И если до этого политическая жизнь в СССР, конечно, оживилась (в ожидании перемен), но каких-либо поворотных событий не случилось, то с начала 1987 г. все стало меняться, и, очевидно, именно этот год можно считать решающим в «перестройке». Так, в экономической сфере в июне 1987 г. был принят Закон СССР «О государственном предприятии», предусматривавший переход предприятий на хозрасчет и самофинансирование (этот акт дал толчок к появлению впоследствии «красных директоров», ставших первыми легальными миллионерами).

Но более заметным для общества стало громкое провозглашение (на январском пленуме ЦК КПСС в 1987 г.) принципа упомянутой «гласности», которая стала пониматься очень широко. Об этом явлении в годы «перестройки» написано много работ, мы отметим лишь, что для советского общества это было невиданным явлением – публикация ранее запрещенных книг, открытие архивов, создание независимых телепрограмм, свободное высказывание суждений, за которые еще недавно можно было попасть в места лишения свободы. Вся эта информация вываливалась на советских людей в огромных объемах из множества источников.

Между тем на информационной волне гласности активизировались оппозиционные настроения, стали появляться лидеры неформальных организаций. Тогда-то на «перестроечной» арене и возникла во весь рост фигура Б.Н. Ельцина – в то время первого секретаря московского горкома КПСС (с 1985 г.). В октябре 1987 г. на предъюбилейном, можно сказать, праздничном пленуме ЦК КПСС (70 лет Великой октябрьской революции!) он выступил с неожиданной острокритической речью, заявив, в частности, о возросшем бюрократизме в секретариате ЦК КПСС, медленных темпах «перестройки», о расширяющемся славословии в адрес генсека, и попросил освободить его от должности первого секретаря горкома и члена Политбюро. Это была явная и «взрывная» фронда сложившемуся порядку рассмотрения партийных вопросов, предполагавшему закрытость и кулуарность. Противореча сам себе, М.С. Горбачев решил скрыть от общественности этот инцидент (в газете «Правде» об этом не было ни слова, как в прежние времена). Но спущенную лавину гласности остановить уже было нельзя, и речь Ельцина во всевозможных вариациях, дополняемая народной молвой, стала «гулять» по разным изданиям и обсуждаться в обществе; к тому времени, как нам представляется, Горбачев и в целом высшая партийно-советская власть, не желая этого, потеряли контроль над информационной сферой, где «санкционированная гласность стала превращаться в неограниченную свободу слова» [18, с. 73] (и это в дальнейшем станет началом их политического поражения).

Последующее снятие Ельцина с должности сделало его в глазах общественности «страдальцем» и главным «борцом» с бюрократизмом. Он отделил себя и своих сторонников от действующей власти, решив, вероятно, использовать открывшиеся «перестроечные» возможности для своей политической карьеры, чему способствовали его личностные качества (решительность, напористость, смелость). И не прогадал, учитывая еще и то обстоятельство, что «перестроечные» преобразования не приводили к реальному улучшению жизни людей. Неудивительно, что на выборах в Верховный Совет СССР в 1989 г. Ельцин стал депутатом по самому престижному избирательному округу № 1 в г. Москве, получив 91,53 % голосов при явке почти 90 % (насколько нам известно, такой результат с «перестроечных» времен до сих пор является непревзойденным). Впервые в истории советского парламентаризма была создана оппозиция центральной власти в лице межрегиональной депутатской группы (лидеры – Б.Н. Ельцин,

Г.Х. Попов, Ю.Н. Афанасьев, А.Д. Сахаров и др.) – с более широкими либерально-демократическими убеждениями, в том числе по вопросам самоопределения союзных республик (эта проблема с 1988 г. стала крайне обостряться). После выборов в Верховный Совет РСФСР (1990 г.) Ельцин стал его председателем, обойдя «кандидата от Кремля» А.В. Власова.

Тем самым на официальном уровне были сформированы два главных властных конкурирующих центра с соответствующими правящими элитами: союзный центр во главе с М.С. Горбачевым и российский центр во главе с Б.Н. Ельциным. У них, испытывавших серьезные личные антипатии друг к другу, были разные представления о будущем развитии страны, но при этом имелась общая позиция, касающаяся необходимости либерализации экономических и в целом общественных отношений. Кто-то должен был уступить, проиграть.

М.С. Горбачев и его единомышленники, оставаясь на марксистско-ленинской платформе, осуществляли умеренно-поступательные преобразования, принимая соответствующие законы о кооперации, о порядке разрешения коллективных трудовых споров, о конституционном надзоре, об аренде, о собственности, о приватизации госпредприятий и др. При этом из Конституции СССР в марте 1990 г. была исключена статья о монопольно руководящей КПСС, что резко активизировало создание новых партий. Допускалась, кроме того, коллективная собственность (помимо государственно-общественной), пожизненная аренда земельных участков. Частная собственность на средства производства сохраняла табу – тогда это был своеобразный красный флажок для КПСС. Но при этом проводились достаточно глубокие преобразования: как писал Горбачев в ноябре 1989 г., «если на первых порах полагали, что речь идет в основном лишь о выправлении отдельных деформаций общественного организма, совершенствовании той, в целом устоявшейся системы, сложившейся за предыдущие десятилетия, то теперь говорим о необходимости радикальной перестройки всего нашего общественного здания – от экономического фундамента до надстройки» [19].

Б.Н. Ельцин и его сторонники в этом смысле занимали крайне радикальную позицию. Наличие собственных властных рычагов освобождало оппозиционеров от каких-либо партийно-идеологических обязательств, поэтому после принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР (12 июня 1990 г.) довольно быстро недавние коммунисты с большим партийным стажем превратились в капиталистических «рыночников», вопреки союзным законам разрешив на территории РСФСР частную собственность и предпринимательскую деятельность, подведя под это соответствующую законодательную основу.

К этому следует добавить центробежные настроения в союзных республиках (объявили о фактическом выходе из СССР прибалтийские республики, Грузия, Молдавия, Армения; союзная власть уже не могла реально помешать этому, запрещающие союзные законы просто игнорировались). И в начале 1991 г. «перестройка» в СССР на союзном («горбачевском») уровне встала перед решающим выбором, причем по двум фундаментальным вопросам: 1) сохранять ли коммунистическую (социалистическую) идею как базисную для советского общества; 2) сохранять ли вообще СССР как федерацию.

Идейно-теоретический вопрос так и не был решен с какой-либо определенностью. На XXVIII съезде КПСС (2–3 июля 1990 г.) предполагалось утвердить новую партийную программу, но из-за острых разногласий этого сделано не было. Б.Н. Ельцин и его сторонники предлагали переименовать КПСС в демократическую партию и разрешить фракции, но, получив отказ, вообще вышли из состава КПСС. Тогда же четко обозначился конфликт между М.С. Горбачевым и ортодоксальными сторонниками коммунистической идеи (Е.К. Лигачев, В.И. Варенников и др.), считавшими, что проводимая политика направлена в сторону «капитализма», а это уже «предательство». И в этом контексте действующий генсек находился между двумя крайними позициями (которые в итоге не сойдутся и организационно разрушат КПСС). Тем не менее съезд утвердил «партийную платформу», предполагавшую развитие советского общества в сторону «демократического социализма».

Вопрос о новой программе КПСС последний раз обсуждался на Пленуме ЦК КПСС 25–26 июля 1991 г. Тогда Горбачев со всей откровенностью поставил вопрос о соотношении социализма и рынка, отметив его сложность для многих поколений сторонников социалистической идеи и обозначив собственную позицию, согласно которой КПСС постепенно должна была двигаться в сторону социал-демократии. Как нам представляется, это был выстраданный им вывод. Но такой подход не был поддержан партийцами, равно как и никакой другой, что, по сути, означало идейное опустошение перед вызовами реальных событий и организационную недееспособность некогда могущественной КПСС.

Вопрос о сохранении СССР был вынесен на известный референдум 17 марта 1991 г. Большинство граждан 9 республик, где он проводился, высказались за сохранение СССР (76,43 % – «за» при явке 79,5 %). В соответствии с результатами референдума М.С. Горбачевым была инициирована разработка проекта новой союзной федерации – Союза суверенных государств (ССГ).

Судя по воспоминаниям Б.Н. Ельцина, Н.А. Назарбаева и других руководителей союзных республик и политических деятелей, договор о ССГ готовы были поддержать главы 9 республик (включая Б.Н. Ельцина) [20, с. 461]. Однако перед самым подписанием, 20 августа 1991 г., как известно, произошла попытка государственного переворота в лице ГКЧП при активной роли вице-президента Г.И. Янаева, силовых министров В.А. Крючкова (КГБ СССР), Д.Т. Язова (МО СССР), Б.К. Пуго (МВД СССР), считавших недопустимым разрушение действующего государства. Тем самым на ССГ был поставлен крест ввиду теперь уже полного недоверия центральным органам союзной власти. Вскоре Б.Н. Ельцин подписал указ об упразднении КПСС при молчаливом согласии генсека – «форосского» пленника, а позже, уже 25 декабря 1991 г., М.С. Горбачев выступил по телевидению и сообщил о сложении с себя полномочий Президента СССР. На следующий день Совет республик ВС СССР объявил, что СССР как государство больше не существует.

«Перестройку», очевидно, можно расценивать как грустную политическую историю, произошедшую с СССР, поскольку ее венцом стало разрушение самого большого в мире и уникального («идейного») государства. Сейчас, спустя тридцать лет, можно, видимо, говорить об утопичности реализации коммунистической идеи в марксистско-ленинском ее понимании, несмотря на ее теоретическую привлекательность (равенство, справедливость, гармоничное развитие личности и т. д.). Это показывает практика построения и развития советского государства, когда в течение едва ли не всего времени его существования возникали вопросы, на которые так и не было дано достаточно ясных ответов. Например, В.И. Ленин, вопреки настроениям ортодоксальных коммунистов, настоял на введении в стране НЭП с элементами «буржуазного» государства. И.В. Сталин говорил о том, что присущий капитализму закон стоимости действует также и при социализме (с последующим исчезновением при коммунизме). С конца 1950-х гг., при Н.С. Хрущеве, стали активно использовать капиталистические категории «стоимость», «прибавочный продукт», «прибыль» и т. п. Со второй половины 1960-х гг., при Л.И. Брежневем, была предпринята отмеченная выше попытка проведения «косыгинской» реформы. Провал Программы КПСС 1961 г. нагляден сам по себе. При последних генсеках – Ю.В. Андропове, К.У. Черненко, М.С. Горбачеве – партии так и не удалось сформулировать внятные теоретические позиции о коммунистических перспективах советского общества.

О практическом авторитете коммунистической идеи могут свидетельствовать также факты, когда члены КПСС в завершающие годы «перестройки» публично сжигали партбилеты, когда многие коммунисты-руководители с необыкновенной легкостью порывали с КПСС и становились капиталистическими предпринимателями, а потом олигархами. Иные бывшие коммунисты и сейчас находятся на высоких руководящих капиталистических должностях. Почти 18 млн членов КПСС отказались от идейного наследия КПСС, а само российское общество голосованием по Конституции России 12 декабря 1993 г. одобрило переход из вчерашнего социализма в капитализм. Если идея авторитетна, то, на наш взгляд, с ней такого не должно происходить.

Другое дело, что лидерам «перестройки» не удалось обеспечить плавный переход к той самой социал-демократии. М.С. Горбачев и его единомышленники проиграли, а ведь их вариант развития российского общества был аналогичен китайской модели (постепенно-последовательная экономическая либерализация). В «перестройке» победили их оппоненты – Б.Н. Ельцин и его сторонники, радикализация деятельности которых впоследствии привела к крушению экономики, взлету потребительских цен, передаче за бесценок создаваемой несколькими поколениями собственности в руки отдельных лиц (по мнению многих авторов, приватизация госсобственности была преступной), огромному имущественному неравенству россиян и т. д., ее негативные последствия ощущаются до сих пор. Но это был выбор народа! Как отмечает российский депутат в 1990–1993 гг. С.А. Полозков, народ был «опьянен свободой и демократией», никто не слушал и не слышал предостережений [21, с. 253]. Конечно, тогда эмоции, как говорится, били через край, и народ, избирая Б.Н. Ельцина депутатом, потом Президентом РСФСР, равно как и других депутатов, принимавших судьбоносные решения, в том числе по прекращению действия Союзного Договора 1922 г. (отказу от СССР), рассчитывал на другие результаты. Но не будем забывать, что за свой выбор народ в любом случае должен отвечать без всяких скидок, в том числе извлекать исторические уроки, которые «перестройка» преподнесла сполна.

Список источников:

1. Миронов Б.Н. Дезинтеграция СССР в историографии: развал или распад // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66, № 1. С. 132–147. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.108>.
2. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. М., 1985. 32 с.
3. Млечин Л.М. На дружном поезде – в светлое будущее // Комсомольская правда. 2010. 22 апреля.
4. Горбачев М.С. Живое творчество народа // Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. М., 1984. С. 5–27.

5. Андропов Ю.В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Коммунист. 1983. № 3. С. 9–23.
6. Круглов В.В., Лабудин А.В. Ю.В. Андропов: формирование плана реформ (о попытках найти выход из тупика тоталитарного социализма) // Управленческое консультирование. 2007. № 2 (26). С. 165–199.
7. Андропов Ю.В. Указ. соч. С. 13.
8. Там же.
9. Круглов В.В., Лабудин А.В. Указ. соч. С. 174.
10. Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М., 1996. 365 с.
11. Польшов М.Ф. Константин Устинович Черненко как лидер КПСС и Советского государства (1984–1985 годы) // Научный диалог. 2020. № 11. С. 448–465. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-11-448-465>.
12. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961. 147 с.
13. Там же. С. 72.
14. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи : в 7 т. М., 1987. Т. 2. 511 с.
15. Новая редакция программы КПСС // XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза : в 3 т. М., 1986. Т. 1. С. 554–623.
16. Там же. С. 574.
17. Там же. С. 561.
18. Браун А. Горбачев, Ленин и разрыв с ленинизмом // Полис. Политические исследования. 2007. № 6. С. 71–85.
19. Горбачёв М.С. Социалистическая идея и революционная перестройка // Правда. 1989. 26 ноября.
20. Пученков А.С. Августовский путч 1991 г.: взгляд на события из здания ЦК (по показаниям очевидцев) // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 454–484. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.210>.
21. Полозков С. А. Приватизация по Чубайсу. Ваучерная афера. Расстрел парламента. М., 2014. 319 с.

Информация об авторе

И.В. Упоров – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Россия.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=205808.

Information about the author

I.V. Uporov – D.Phil. in History, PhD in Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia.

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=205808.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.07.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.07.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 12.08.2021.